

Евсевій никомидійскій и Лукіанъ.

(Къ вопросу о происхожденіи арианства).

Для вопроса о происхожденіи арианства имѣеть первостепенную важность вопросъ объ отношеніи Арія къ его учителю—антіохійскому пресвитеру и мученику Лукіану, основателю столь знаменитой впослѣдствіи антіохійской школы.

Что и самъ Арій и его виднѣйшіе покровители, какъ Евсевій никомидійскій, Феогній никейскій, Марій халкидонскій, Минофантъ ефесскій, были дѣйствительно учениками св. Лукіана, это—фактъ, засвидѣтельствованный одинаково твердо, какъ самими арианами, такъ и ихъ противниками. Самъ Арій въ письмѣ къ Евсевию никомидійскому, называетъ его своимъ „солукіанистомъ“¹⁾; а Филосторгій перечисляетъ по именамъ и другихъ учениковъ Лукіана²⁾.

Съ другой стороны самъ Александръ александрійскій въ письмѣ къ одноименному съ нимъ епископу бессалоникскому, представлявшемъ повидимому только болѣе полный экземпляръ его *τόμος*'а, разсланнаго раньше ко всѣмъ епископамъ, состоявшимъ, какъ и самъ епископъ александрійскій, подъ владычествомъ Лиکنія, прямо называетъ Лукіана учителемъ Арія и вмѣстѣ съ тѣмъ ученикомъ („преемникомъ“ видимо по управленію богословской школой) Павла самосатскаго, и сообщаетъ, что Лукіанъ оставался (послѣ низложенія Павла) долгое время въ общенія съ тремя (антіохійскими) епископами (Домномъ, Тимеемъ и Кирилломъ)³⁾.

¹⁾ Theodoret. h. e. I, 5. *Vales: συλλογιστὰ ἀληθῶς Εὐσεβία.*

²⁾ Philostorg. h. e. II, 3, 14. III, 15.

³⁾ Theodoret. h. e. I, 4 Val. p. 15 B: *αὐτοὶ γὰρ θραδύδαται ἐστέ, οὐκ ἀγνωοῦντες, ὅτι ἡ ἑσυχὸς ἐκινετοῦσα τῇ ἐκκλησιαστικῇ ἐπιθεβία διδασκαλίᾳ, ἡ βίωσις*

Точно также и св. Епифаній ¹⁾ называетъ Лукіана учителемъ аріанъ, самихъ ихъ „лукіанистами“, и въ частности приписываетъ Лукіану извѣстное аріанское ученіе, что Сынъ Божій при воплощеніи принялъ одно только человѣческое тѣло, мѣсто же души занимала сама его „божественная“ природа.

Но всѣ эти историческія свидѣтельства, ставящія внѣ сомнѣнія зависимость аріанской догматической системы отъ ученія Лукіана, не даютъ однако никакого основанія судить о томъ, какъ далеко простиралась эта зависимость, какіе изъ аріанскихъ положеній принадлежатъ Лукіану, и какія представляютъ *выводъ* изъ ученія Лукіана, сдѣланный самимъ Аріемъ.

Тѣмъ не менѣе А. Гарнакъ находитъ, что и приведенныхъ скудныхъ данныхъ совершенно достаточно для того, чтобы съ полною увѣренностью считать Лукіана „Аріемъ до Арія“ и отнести на его счетъ рѣшительно всѣ особенности аріанской системы, такъ что на счетъ самого Арія не остается ничего. Пользуясь тѣмъ сообщеніемъ св. Александра, что Лукіанъ былъ ученикъ Павла самосатскаго (и самъ Лукіанъ едвали не былъ родомъ изъ Самосаты же) Гарнакъ чрезвычайно остроумнымъ образомъ объясняетъ самое происхождение лукіанизма—аріанства, какъ своеобразную комбинацію ученія Павла самосатскаго съ ученіемъ Оригена. У Павла самосатскаго Лукіанъ замѣтвовалъ его ученіе о Богѣ Отцѣ—какъ Существо безусловно единомъ живомъ личномъ Духѣ, въ Себѣ имѣющемъ Слово, но слово неисточасное, и ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ Существо свободномъ, по природѣ подверженномъ измѣненію, но пребывающемъ благимъ по

ἔστι καὶ Ἀρειμῆ. καὶ ζῆλος τοῦ κατὰ Ἀντιοχείαν Παύλου τοῦ Σαμοσατέως, συνέθετο καὶ κρίσει τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων ἀποκηρυχθέντος τῆς ἐκκλησίας ὡς διαβεβῆμενος Δουκιανὸς, ἀποσυνάγωγος ἔμεινε τριῶν ἐπισκόπων πολυετείς χρόνους: ὡν τῆς ἐσβεθείας τὴν τρυφὰ ἰσορροφηκότιες, νῦν ἡμῖν οἱ ἐξ οὐκ ὄντων ἐπεφάνησαν, τὰ ἐκείνων κεραιόμενα μοιχεύματα, Ἄρειος τε καὶ Ἀχιλλῆος, καὶ ἡ τῶν σὺν αὐτοῖς πονηρομένων ἀπόδος.—Объ адресатѣ посланія *Ἡ φίλαρχος*, въ которомъ содержится приводимыя строки, см. В. В. Болотовъ, Theodoretiana—Хр. Чт. 1892, II, 121. 148—154.—Отрывокъ изъ *τομος* см. у E. Schwartz, Zur Geschichte des Athanasius въ Nachrichten v. d. Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen Phil hist kl. 1905. H. 3. SS. 265—7.

¹⁾ Epiph. haer. 69.5

своей волѣ; у Оригена же—ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ второмъ Богѣ, существѣ весьма совершенномъ, однако ни въ чемъ несравнимомъ съ Отцемъ, какъ его твореніи. Комбинируя это ученіе съ павловымъ (аристотелевскимъ) ученіемъ о Богѣ, какъ существѣ самодовлѣющемъ, Лукіанъ не имѣлъ возможности отождествить Сына Божія съ сущимъ въ самомъ Богѣ Словомъ и вынужденъ былъ признать его твореніемъ въ строгомъ смыслѣ слова, происшедшимъ во времени и изъ ничего. При воплощеніи Сынъ Божій принималъ одно тѣло; а слѣдовательно всѣ аффекты и душевная борьба во Христѣ, о которыхъ говорится въ евангеліи, принадлежатъ самому Логосу. Какъ существо тварное, Сынъ Божій подлежалъ измѣненію и въ нравственномъ смыслѣ. Но Богъ, предвидя, что онъ устоитъ въ добрѣ, при самомъ сотвореніи его далъ ему всю ту славу, какую онъ заслуживалъ за свой нравственный подвигъ ¹⁾).

Это ученіе есть чистое арианство, тѣмъ не менѣе, думаетъ Гарнакъ—вотъ эта та комбинація системы Павла самосатскаго съ оригеновскимъ и церковнымъ ученіемъ о *Λόγος χριστός* и была для Лукіана тѣмъ мостомъ, чрезъ который онъ соединился съ церковію.

Эта попытка поставить арианство въ генетическую связь съ ученіемъ Павла самосатскаго, особенно интересна въ томъ отношеніи, что она прекрасно уясняетъ одну не совсѣмъ ясную подробность системы Арія: его ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ существѣ измѣняемомъ въ нравственномъ смыслѣ,—подробность непонятную тѣмъ болѣе, что здѣсь Арій былъ даже не совсѣмъ послѣдователемъ и, излагая со всею ясностью это ученіе объ измѣняемости Сына Божія ²⁾ въ своей

¹⁾ *A. Harnack, Lehrbuch der Dogmengeschichte* B. II. 3 Auflage Freiburg im B. und Leipzig 1894. SS. 182—186 [=2 Aufl. SS. 187—188]=4 Aufl (Teubingen 1909) SS. 186—190; особенно II² 187: In der lucianischen Doctrin ist der Adoptianismus mit der Logos—*χριστός*—Lehre verknüpft, und diese Lehrform ist mit den Mitteln der aristotelischen Philosophie durchgeführt und kritisch-exegetisch aus den Bibel begründet.

²⁾ *Athan. or. contr. ar.* I, 9 (назъ *Θάλασσα*) οὐκ ἔστιν ἀτρέπτος ὡς ὁ Πατήρ, ἀλλὰ τροπικῶς ἔστι πρὸς ὡς τὴ *χριστός*. I, 5 (повидному, не въ *θάλασσα*, [какъ] принимаю я въ Христ. Читаніи 1911, июль-августъ стр. 857 и *R. Seeberg* *DG.* II² (1910) S. 22] а ἐν τοῖς ἑτέροις αὐτῶν συγγραμμάσι). [Это однако не-совершенно безспорно, I, 5 у Аванасія в. начинается павлеченіями изъ

Θάλεια, въ своихъ письмахъ не только къ Александру александрийскому, но и къ самому Евсевію никоμιдійскому на-

Θάλεια. И прежде всего приводится самое ея начало: *Ἡ—ἀρχὴ τῆς Ἀρειανῆς θαλείας καὶ κουφολογίας*. Далѣе прнводится изъ нея цѣлый рядъ „полныхъ нечестія“ выраженій, въ роцѣ: οὐκ αἰεὶ ὁ θεὸς πατήρ ἦν—οὐκ αἰεὶ ἦν ὁ υἱὸς πάντων γὰρ γενομένων ἐξ οὐκ ὄντων—καὶ αὐτὸς ὁ τοῦ θεοῦ λόγος ἐξ οὐκ ὄντων γέγονε καὶ ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν—этого рядъ бесспорныхъ извлеченій изъ *Θάλεια* заканчивается у Аванасія изложеніемъ ученія Арія о двухъ премудростяхъ и двухъ Логосахъ въ Богѣ: δύο γοῦν σοφίας φησὶν εἶναι, μίαν μὲν τὴν ἰδίαν καὶ συνπαρχούσαν τῷ θεῷ, τὸν δὲ υἱὸν ἐν ταύτῃ τῇ σοφίᾳ γεγενῆσθαι καὶ ταύτης μετέχοντα ὠνόμασθαι μόνον σοφίαν καὶ λόγον. ἡ σοφία γάρ, φησί, τῇ σοφίᾳ ἐπῆροξε σοφοῦ θεοῦ θελήσει. οὕτω καὶ λόγον ἕτερον εἶναι λέγει παρὰ τὸν υἱὸν ἐν τῷ θεῷ, καὶ τούτων μετέχοντα τὸν υἱὸν ὠνομάσθαι πάλιν κατὰ χάριν λόγον καὶ υἱὸν αὐτόν. Далѣе Аванасій в. пишетъ: ἔστι δὲ καὶ τούτο τῆς αἰρέσεως αὐτῶν ἴδιον φρόνημα, δηλούμενον ἐν ἑτέροις αὐτῶν συγγραμμάσιν, ὅτι πολλὰ δυνάμεις εἰσιν καὶ ἡ μὲν μία τοῦ θεοῦ ἔστιν ἰδία φύσις καὶ αἰδιος, ὁ δὲ Χριστὸς πάλιν οὐκ ἔστιν ἀληθινὴ δύναμις τοῦ θεοῦ, ἀλλὰ μία τῶν λεγομένων δυνάμεων ἔστι καὶ αὐτός, ὡν μία καὶ ἡ ἀκρίς καὶ ἡ κάμπη οὐ δύναμις μόνον ἀλλὰ καὶ μεγάλη προσαγορεύεται (Ионль, 2, 25) αἱ δ' ἄλλαι πολλὰ καὶ ὅμοιαι εἰσι τῷ υἱῷ, περὶ ὧν καὶ Δαβὶδ ψάλλει λέγων κύριος τῶν δυνάμεων (Псал. 23,10) Далѣе слѣдуетъ интересующая насъ тирада объ измѣняемости Сына каὶ τῇ μὲν φύσει... ὡν φύσεως. Далѣе Аванасій продолжаетъ: διὰ τοῦτο γάρ, φησὶ [слѣд. самъ Арія, если это φησὶ точно], καὶ προσηνώσκων ὁ θεὸς πεποιήκε. Совершенно очевидно, что эта послѣдняя тирада (διὰ τοῦτο—πεποιήκε) представляетъ собою продолженіе непосредственно предшествующей (διὰ τοῦτο относится къ μὲν καλος), и слѣд. если она, судя по φησὶ, принадлежитъ самому Арію, то ему же принадлежитъ и предшествующая. А слѣд. вполне возможно, что выдержки изъ „другихъ сочиненій“ арианъ—(αὐτῶν, не αὐτων) заканчиваются словами κύριος τῶν δυνάμεων, а со словъ каὶ τῇ μὲν φύσει начинаются слова выдержки изъ *Θάλεια*. Цитруется *Θάλεια* снова у Аванасія в. уже въ п. 6 и не въ самомъ началѣ, но такимъ образомъ, что не включается возможность того, что и предшествующее заимствовано тоже изъ *Θάλεια*. I, 6 въ началѣ: Εἰπεῖν δὲ πάλιν ἐτόλμησεν [слѣд. самъ Арія], ὅτι οὐδὲ θεὸς ἀληθινός ἐστιν ὁ λόγος—τῶν δὲ γενητῶν καὶ κτισμάτων ἴδιος καὶ εἰς αὐτῶν τιγῆαι. μετὰ δὲ τούτων ὡσπερ καὶ διάδοχος τῆς προπετείας τοῦ διαβόλου γενόμενος ἔθηκεν ἐν τῇ *Θάλειᾳ*, ὡς ἄρα καὶ τῷ υἱῷ πατὴρ ἀόρατος ἐπάρχει А самый конецъ п. 6 и начало п. 7 говорить повидному за то, что все предшествующее, за исключеніемъ только небольшого отрывка изъ какого-то другого сочиненія заимствовано изъ *Θάλεια* Арія. п. 6. τούτοις γάρ ἐφθέγγετο τοῖς ῥήμασιν ὁ ἀσεβῆς—ταῦτα μέρη τῶν ἐν τῷ γελοῖῳ συγγραμμάτι κεκμένων μυθιδίων ἐστὶν Ἀρειόν [изъ п. 4 видно, что γελοῖον σύγγραμμα есть именно *Θάλεια*] п. 7. Τίς τούτων τῶν τοιούτων καὶ τοῦ μέλουз τῆς *Θάλειας* οὐ μισήσειεν ἐν δίεμ παίζοντα τὸν Ἀρειον ὡς ἐπὶ σκητῆς περὶ τοιούτων,—Отсюда видно, что существенное содержаніе пп. 5—6 у Аванасія в. составляютъ извлеченія изъ *Θάλεια*; а отрывокъ изъ какихъ то другихъ сочиненій арианъ относи-

оборотъ прямо говорили, что Богъ Отецъ создалъ Сына неизмѣняемымъ и непреложнымъ.

Такимъ образомъ, какъ въ особенноти это ясно изъ сообщеній св. Александра въ *Ἡ φίλαρχος*, ариане въ проведеніи

тельно „многихъ силъ“ въ Богѣ выведенъ на справку лишь по аналогіи съ ученіемъ Арія о двоякой премудрости и двоякомъ словѣ въ Богѣ. Тирада объ измѣняемости Сына такой аналогіи не содержитъ; но по своему содержанию примыкаетъ къ этой ближайшей предшествующей выдержкѣ изъ *Θάλεια* [Сынъ Божій по участию въ собственномъ Словѣ Бога Отца названъ по благодати Словомъ и Сыномъ. И по природѣ какъ всѣ, такъ и само Слово измѣняемо, но по собственной волѣ, пока захочетъ, остается благимъ, а когда захочетъ, можетъ и измѣниться, какъ и мы, будучи измѣняемъ по природѣ] и не стоитъ ни въ какой связи съ тирадою относительно „силъ“, которая заканчивается выраженіемъ псаломшвца: „Господь силъ“—Во всякомъ случаѣ въ Хр. Чт. 1911, 857 я не сдѣлалъ ошибки, сославшись на с. аг. I, 5 въ доказательство доникейскаго происхожденія антиохійскаго анаеоматизма. Если даже данное мѣсто I, 5, заимствована и не изъ *Θάλεια*, то ужъ самый его характеръ, а также приводимыя далѣе параллельныя мѣста изъ посланій св. Александра, доказываютъ, что оно заимствовано изъ доникейскихъ сочиненій арианъ. Зависимость же антиохійскаго анаеоматизма отъ *Θάλεια* во всякомъ случаѣ ясна и изъ с. аг. I, 9.] *καὶ τῇ μὲν φύσει ὡσπερ πάντες οὗτοι καὶ αὐτός ὁ λόγος ἐστὶ τρεπτός. τῷ δὲ ἰδίῳ ἀτεξουσῶ, ἕως βούλεται μὲναι καλός, ὅτε μὲντοι θέλοι δύναται τρέπεσθαι καὶ αὐτός ὡσπερ καὶ ἡμεῖς τρεπτής ὢν φύσεως. διὰ τοῦτο γάρ, φησι, καὶ προγενέσκον ὁ θεὸς ἕσθαι καλὸν αὐτόν. προλαβὼν αὐτῷ ταύτην τὴν ὁδὸν δέδωκεν, ἣν ἀνθρώπος καὶ ἐκ τῆς ἀρετῆς ἔσχη μετὰ ταῦτα, ὥστε ἐξ ἔργων αὐτοῦ, ὢν προέγνω ὁ θεός, τοιοῦτον αὐτὸν νῦν γεγονέναι πεποιήκει. Alex. Alex. ap. Socr. I 6 (Ἐνδὸς σώματος). Αὐτὸ καὶ τρεπτός ἐστὶ καὶ ἀλλοιωτός τὴν φύσιν, ὡς καὶ πάντα τα λογικά --- Ἡρώτησε γοῦν τις αὐτούς, εἰ δύναται ὁ τοῦ Θεοῦ λόγος τρεπῆναι ὡς ὁ διάβολος ἐτρέπη. καὶ οὐκ ἔφοβήθησαν εἰπεῖν, νὰ δύναται. τρεπτής γάρ φύσεως ἐστὶ, γεννητός καὶ τρεπτός ἐπαρχῶν.--Alex. ad Alex [Thessal ap Theodoret I, 4. Val. *Ἡ φίλαρχος*] p. 10 D. καὶ φασὶν αὐτὸν τρεπτής εἶναι φύσεως, ἀρετῆς τε καὶ κακίας ἐπιδεκτικὸν --- δυνάμεθα γοῦν καὶ ἡμεῖς, φασὶν οἱ ἀλέστορες (11) υἱοὶ γενεσθαι θεοῦ, ὡσπερ κακεῖνος. γέγραπται γάρ, υἱούς ἐγέννησε καὶ ἔψωσα. ἐπιφερομένον δὲ αὐτοῖς τοῦ λέγοντος ἐξῆς του ῥητοῦ, αὐτοὶ δὲ μὲ ἠθέτησαν. ὅπερ οὐ φυσικόν ἐστιν, τῷ σωτήρι, ὅτι τῆς φύσεως ἀτρέπτου, πάσης εὐλαβείας ἐαυτούς ἐσημάσαντες, τοῦτο φασὶ. προγενέσει καὶ προθεωρία περὶ αὐτοῦ εἰδὼτα τὸν θεὸν ὅτι οὐκ ἀθετήσει, ἐξελέχθαι αὐτοῦ ἀπὸ πάντων, οὐ γὰρ φύσει καὶ κατ' ἐξαιρετικὸν τῶν ἄλλων ἔχοντά τι --- ἄλλα καὶ αὐτὸν τρεπτής τυγχάνοντι φύσεως, διὰ τὸν τρόπον ἐπιμελείαν καὶ ἄσκησιν μὴ τρεπόμενον ἐπὶ τὸ χεῖρον, ἐξελέξατο. ὡς εἰ καὶ Παῦλος; τοῦτο βιάσασαι καὶ Πέτρος, μηδὲν διαφέρειν τοῦτον τὴν ἐκείνην υἰότητα; εἰς παράστασιν δὲ τῆς φρενοβλαβοῦς ταύτης διδασκαλίης, καὶ ταῖς γραφαῖς ἐμπαρονοῦντες, καὶ παρατιθέμενοι τὸ ἐν ψαλμοῖς περὶ Χριστοῦ ῥητὸν, οὕτως ἔχον. ἠγάπησας δικαιοσύνην, καὶ ἐμίσησας ἀδικίαν. διὰ τοῦτο ἔχρισά σε ὁ θεός σου ἕλαιον ἀγαλλίσεως περὶ τοὺς μετόχους σου.*

этого воззрѣнія о неизмѣняемости Сына заходили гораздо дальше, чѣмъ допускало ихъ основное воззрѣніе на Сына, какъ первое и совершеннѣйшее твореніе Бога Отца, какъ на посредника между Богомъ и міромъ, чрезъ котораго Богъ создалъ и Св. Духа и весь міръ, доходили до сравненія его съ простыми людьми. Эта „аріанская теорія“—по справедливому сужденію В. В. Болотова (Уч. Оригена о св. Троицѣ стр. 408—409)—„представляетъ въ странномъ свѣтѣ все существованіе Сына Божія до Его воплощенія. Онъ избранныѣйшее изъ твореній, единый происшедшій непосредственно изъ единаго, Слово и Премудрость, хотя и въ собственномъ смыслѣ, посредникъ въ твореніи міра; но ни одно изъ этихъ преимуществъ не принадлежитъ ему въ полномъ смыслѣ; по Своему существу Онъ не имѣетъ на нихъ положительнаго права, Своею свободною дѣятельностью Онъ еще не заслужилъ ихъ; превознесенный выше всѣхъ, Онъ не имѣлъ прочной опоры для Своего величія, и воплощеніе,—даже прежде чѣмъ появился грѣхъ,—уже необходимо прежде всего для самого же Сына“.—Напротивъ въ системѣ Павла Самосатскаго, для котораго Сынъ Божій, какъ личность, и не существовалъ до своего воплощенія, такое ученіе было вполнѣ понятно ¹⁾.

¹⁾ Epist. Arii ad. Alex. ap. Ath. de sin. c. 16 (*Ἡ πίστις ἡμῶν*) *Θεὸν γενήσαντα υἱὸν μονογενῆ πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων, δι' οὗ καὶ τοὺς αἰῶνας καὶ τὰ πάντα ὅλα πεποίηκε γενήσαντα δε οὗ δοκῆσει ἀλλὰ ἀληθεῖς ἐποστήσαντα ἰδίῳ θελήματι ἄτρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον, πῖσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον. κ. τ. χ.* Изъ контекста ясно, что *ἰδίῳ θελήματι* относится къ волѣ Бога Отца, не къ волѣ Сына (*ἐποστήσαντα* какъ и двукратное *γενήσαντα* относится къ *Θεοῦ*): Богъ Отецъ по Своей волѣ (а не по природѣ) создалъ Сына „неизмѣняемо и непреложно“. Ep. Arii ap. Euseb. ad. Theodoret I, 5: *διδάσκομεν, ὅτι ὁ υἱὸς οὐκ ἔστιν ἀγεννητός. οὐδὲ μέρος ἀγεννήτων κατ' οὐδένα τρόπον, οὐδὲ ἐξ ἐποκειμένων τινος, ἀλλ' ὅτι θελήματι καὶ βουλῇ ὑπέστη πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων πλήρης θεός μονογενής, ἀναλλοίωτος.*—*θελήματι καὶ βούλῃ* противопоставляется здѣсь ученію о Сынѣ, какъ нерожденномъ, или части нерожденного, или происшедшемъ изъ какого нибудь матеріала и вообще рѣчь идетъ о происхожденіи Сына: слѣд. Аріій говорить „о волѣ и совѣтѣ“ Бога Отца, не Сына. Въ виду этого попытку примирить это ученіе Арія о неизмѣняемости Сына съ его же ученіемъ о неизмѣняемости Сына въ томъ смыслѣ, что Онъ остался неизмѣняемымъ фактически, потому что пребылъ въ добрѣ [(такъ, кажется, думаетъ Спасскій (стр. 175) видимо вслѣдъ за Гарнакомъ (II S. 200) Somit ist er vermöge seines Willens unveränderlich geworden. 201 S. v. Nach dem Brief des Eusebius an Paulin scheint es, als habe Eusebius die

Я думаю, что Гарнакъ въ данномъ случаѣ вполне правъ: другого, лучшаго объясненія этой странной особенности арианской доктрины кажется и представить невозможно, и въ добавокъ связь арианства съ ученіемъ Павла самосатскаго засвидѣтельствована Александромъ александрийскимъ.

Но слѣдуетъ ли отсюда, что св. Лукіанъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ „Аріемъ до Арія“ и ему именно принадлежать и такія положенія аریانъ, „какъ *ἦν ποτε οὐκ ἦν*“ и „*ἐξ οὐκ ὄντων*“ которыя собственно и вызвали полемику со стороны св. Александра александрийскаго?

Прежде всего необходимо сдѣлать оговорку. Православная церковь считаетъ Лукіана пресвитера антиохійскаго, пострадавшаго при Галеріи (въ 311 г.), въ числѣ своихъ святыхъ (память 15-го октября, хотя пострадалъ онъ, кажется, 7 января): поэтому считать его родоначальникомъ арианства для насъ представляется неудобнымъ. Поэтому на православныхъ ученыхъ повидимому лежитъ долгъ защитить православіе Лукіана. Такъ понимаетъ свою задачу и проф. А. А. Спасскій. Но въ дѣйствительности, св. Лукіанъ не былъ еретикомъ-аріаниномъ уже потому одному, что умеръ за 14 лѣтъ до 1-го вселенскаго собора, когда вселенская церковь осудила арианство, какъ ересь, умеръ не только въ мірѣ съ церковью, но и какъ мученикъ. Уже эта одна мученическая кончина искупала всѣ его возможныя догматическія заблужденія. А потому нѣтъ надобности доказывать, что ученіе св. Лукіана о Сынѣ Божіимъ было совершенно согласно съ никейскимъ символомъ и съ арианствомъ не имѣло ничего общаго. Будетъ достаточно, если будетъ

Unveränderlichkeit des Sohnes eine wesenhafte gehalten; er meint aber wohl nur, sie sei zum Wesen geworden) и Густкиномъ, (который въ письмѣ Арія къ Александру предлагалъ отнести *ὁὶὼ θελήματι* къ *ἀτροπτον καὶ ἀνἀλλόωωτον*—*Gwatkin*² 25,³) нельзя признать удачною. Правы В. В. Болотовъ, 406,3 и В. Н. Самуиловъ 30,14, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ ученіемъ Арія въ его различныхъ стадіяхъ развитія.—Какъ указываетъ самъ Гарнакъ II³ 196 s. v. II⁴ 201 s. v. сами ариане въ послѣдствіи [не только въ послѣдствіи, какъ доказываютъ письма Арія] рассматриваютъ неизмѣняемость Сына, какъ даръ Отца (данный Ему при твореніи), ибо Филосторгій VIII, 3 приводит, какъ особенность ученія арианскаго (евноміанскаго) епископа Θεодосία, что онъ училъ *ὡς ὁ Χριστὸς τρεπίδω μεν τῆ γυφῶσι τῆ οὐκείῃ, ἐπιτελείῃ δὲ τῶν ἀρετῶν ἀνπερβλήτω εἰς τὸ ἀτροπτον ἀνυφῶσῆραι*.

показано, что на Лукіанѣ не лежитъ отвѣтственности за всѣ крайности аріанской доктрины, возбудившей такой соблазнъ въ церкви и волновавшей ее болѣе полувѣка, что его ученіе было ближе къ православію, чѣмъ чистое аріанство.

Но взглядъ Гарнака не свободенъ отъ возраженій съ чисто исторической стороны. Если Лукіанъ былъ „Аріемъ до Арія“, то почему же его ученіе не вызвало никакихъ возраженій при его жизни, почему ученики его видимо безъ всякихъ возраженій занимаютъ виднѣйшія епископскія катедры въ Малой Азій, и самъ Аріій дѣлается александрійскимъ пресвитеромъ и занимаетъ эту должность при трехъ александрійскихъ епископахъ? Что же побудило Александра вдругъ измѣнить свое отношеніе къ Арію, если не произошло никакой перемѣны если не въ его основныхъ воззрѣніяхъ, то по крайней мѣрѣ въ его богословскомъ языкѣ, въ терминологіи? И былъ ли самъ Аріій мыслителемъ и писателемъ настолько неоригинальнымъ, что не былъ въ состояніи рѣшительно ни въ одномъ пунктѣ пойти дальше своего учителя, сдѣлать новый выводъ изъ данныхъ имъ посылокъ, развить яснѣе тѣ или другія его положенія. Конечно, Лукіанъ жилъ въ такое время, когда христіанамъ было не до богословскихъ споровъ, но именно поэтому отъ него и трудно ожидать, чтобы онъ именно былъ творцомъ такой оригинальной и стройной въ цѣломъ системы, какъ система Арія, во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ что на долю Арія не оставалось уже ничего. И конечно Аріій не былъ и не могъ быть по своему положенію простого пресвитера дѣйствительно признаннымъ вождемъ своей партіи; но и сводить къ нулю все его значеніе и въ дѣлѣ самого возникновенія аріанства нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

А. А. Спасскій ¹⁾ дѣлаетъ добросовѣстную попытку показать, что ученіе Лукіана нельзя вполне отождествлять съ аріанствомъ и нельзя называть его „Аріемъ до Арія“. Но нельзя сказать, чтобы попытка эта была особенно удачна.

Конечно А. А. Спасскій²⁾ справедливо замѣчаетъ противъ

¹⁾ (стр. 157—171).

²⁾ (стр. 170).

Гарнака, который „въ своей исторіи догматовъ влагааетъ въ уста Лукіана почти всю аріанскую систему“, что „доказательства а retro, т. е. заимствованныя изъ позднѣйшихъ данныхъ касательно аріанскаго ученія, съ строго научной точки зрѣнія никогда не могутъ быть признаны самостоятельными“ [хотя, конечно, и это замѣчаніе способно вызвать такое возраженіе: но почему же, если нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ для реконструкціи данной догматической системы, и разъ зависимость аріанства отъ ученія Лукіана есть хорошо засвидѣтельствованный историческій фактъ?]. Но самъ не дѣлаетъ попытки выяснить, въ какихъ именно пунктахъ ученіе Арія отличается отъ ученія Лукіана.

А. А. Спасскій находитъ, что „въ сущности весь матеріалъ, которымъ располагаетъ наука для характеристики догматическихъ воззрѣній Лукіана сводится къ... двумъ пунктамъ: а) — несомнѣнно, что то понятіе о Богѣ, которое занимаетъ центральное мѣсто въ догматической системѣ аріанства и опредѣляетъ всѣ дальнѣйшіе ея выводы, тождественно съ тѣмъ, какое нѣкогда защищаль Павелъ самосатскій; естественно и до нѣкоторой степени необходимо допустить, что это наслѣдіе перешло отъ Павла аріанамъ черезъ посредство Лукіана, ибо иначе невозможно было бы уяснить усвоеніе этого понятія со стороны аріанъ“ [охотно признаю, что это и естественно и въ самой высокой степени вѣроятно, такъ какъ конечно Лукіанъ, даже порвавъ окончательно съ Павломъ и согласившись можетъ быть даже анаѳематствовать его ученіе, едва ли легко могъ отказаться отъ того ученія о Богѣ, съ которымъ свыкъся и которое формально не заключало въ себѣ ничего еретическаго; но такъ какъ это ученіе о Богѣ было аристотелевское, то аріане могли усвоить его и помимо Павла самосатскаго и Лукіана, слѣд. съ строго научной точки зрѣнія“ это предположеніе вовсе не необходимо, и противоположное предположеніе не невозможно] б) — по извѣстію Епифанія, „Лукіанъ отвергалъ человѣческую душу во Христѣ и училъ, что Богъ—Слово воспріялъ только плоть человѣка—, т. е. держался тѣхъ же самыхъ христологическихъ воззрѣній, какия впоследствии проповѣдывали аріане“.

[Конечно, и это тоже весьма вѣроятно, хотя совершенно доказаннымъ и этого пункта считать нельзя. Очень возможно,

что это—только выводъ, сдѣланный Епифаніемъ отъ ученія позднѣйшихъ лукіанистовъ къ ученію самого Лукіана. Съ ученіемъ Павла Самосатскаго этотъ пунктъ аріанской доктрины во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго, такъ какъ Павелъ признавалъ Христа простымъ человѣкомъ, въ которомъ Слово обитало *κατὰ λογίτηα* и не замѣняло мѣсто разумной души].

А. А. Спасскій, такимъ образомъ, не хочетъ повидимому соглашаться съ Гарнакомъ въ томъ, что аріане, чрезъ посредство Лукіана заимствовали у Павла самосатскаго его ученіе объ измѣняемости Сына въ нравственномъ отношеніи, о его нравственной *προκοπή*.

Въ заключеніи А. А. Спасскій говоритъ: „Легко видѣть, что въ обоихъ главныхъ пунктахъ, опредѣлившихъ догматику Арія, Лукіанъ предупредилъ аріанство, хотя и нѣтъ основаній утверждать, что онъ уже пришелъ ко всѣмъ тѣмъ крайнимъ выводамъ, какіе высказаны были Аріемъ; эти выводы Лукіану были совершенно не нужны“ [но что это за выводы, и что именно было ему нужно?] и возможно думать, что въ вѣкъ Арія онъ отказался бы отъ защиты Павла самосатскаго“ (но онъ отказался отъ нея и въ свое время) называть его поэтому „Аріемъ до Арія“ нельзя. Тѣмъ не менѣе всѣ данныя, сохранившіяся о Лукіанѣ и его отношеніи къ аріанамъ, заставляютъ полагать, что и въ области догматики еще имъ намѣченъ былъ тотъ путь, на крайней точкѣ котораго лежала система аріанства.

Какіе именно крайніе выводы Арія не принадлежатъ его учителю Лукіану, А. А. Спасскій не пытается выяснитъ, хотя бы и предположительно.

Но въ самомъ ли дѣлѣ наука не имѣетъ никакихъ положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ, въ чемъ ученіе Лукіана хотя бы формально отличалось отъ аріанства? Ученіе Арія есть ли единственный источникъ для реконструкціи ученія Лукіана?

Оставляя пока въ сторонѣ такъ называемый „символъ Лукіана“, въ которомъ ученіе о Сынѣ Божіемъ изложено въ выраженіяхъ весьма возвышенных¹⁾, такъ какъ степень уча-

¹⁾ Athan. de syn. 23: *καὶ εἰς ἓνα Κύριον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Υἱὸν αὐτοῦ, τὸν μετὰ τὴν Θεὸν, δι' οὗ τὰ πάντα, τὸν γεννηθέντα πρὸ τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατ-*

стія въ редактированіи этого символа самого Лукіана едва ли можетъ быть выяснена съ точностью, позволяю себѣ напомнить, что ученикомъ Лукіана, по словамъ самого Арія, былъ и Евсевій никомидійскій, отъ котораго мы имѣемъ письмо къ Павлину Тирскому, письмо небольшое, но все же дающее нѣкоторое понятіе о его догматическихъ воззрѣніяхъ.

Ученіе Евсевія никомидійскаго обыкновенно отождествляютъ съ учениемъ самаго Арія. Но письмо къ Павлину не оправдываетъ этого взгляда. В. Н. Самуиловъ ¹⁾ на основаніи этого письма основательно отнесъ Евсевія къ числу оміевъ и въ недавнее время *Лихтенштейнъ* въ социальномъ изслѣдованіи объ Евсевіи никомидійскомъ вынужденъ былъ отмѣтить, что у Евсевія—по крайней мѣрѣ—по буквѣ нѣтъ „ἐξ οὗκ ὄντων“ ²⁾.

Разъ признана возможность отличія ученія Арія отъ ученія Евсевія, то становится ясно, что для рекомендаціи ученія Лукіана имѣютъ особенный интересъ тѣ пункты, гдѣ ученіе Евсевія неотличалось отъ ученія Арія; въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ возможность выслушать голосъ, такъ сказать двухъ свидѣтелей объ ученіи Лукіана, двухъ учениковъ его ³⁾.

ρὸς. Θεὸν ἐκ Θεοῦ, ὅλον ἐξ ὅλου, μόνον ἐκ μόνου, τέλειον ἐκ τελείου, βασιλεὺς ἐκ βασιλέως, Κόριον ἀπὸ Κυρίου, Λόγον ζῶντα, σοφίαν, ζωσαν, φῶς ἀληθινόν, ὁδόν, ἀλήθειαν, ἀνάστασιν, ποιμένα, θῆραν, ἀρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον τῆς θεότητος, οὐσίας τε καὶ βουλῆς καὶ δυνάμεως, καὶ δόξης τοῦ Πατρὸς ἀπαράλλακτον κίονα, τὸν πρωτότογον πάσης κτίσεως, τὸν ὄντα ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεόν, Λόγον Θεόν κατὰ τὸ εἰρημένον ἐν τῷ εὐαγγελίῳ. „Καὶ Θεὸς ἦν Λόγος“ δι' οὗ πάντα ἐγένετο, καὶ ἐν ᾧ τὰ πάντα συνέστηκε.

¹⁾ Самуиловъ, *Исторія арианства на латинскомъ западѣ* Спб. 1890, стр. 48.

²⁾ A. Lichtenstein *Eusebius v. Nicomidien* Halle. 1903. S. 96—7.

³⁾ На письмо Евсевія къ Павлину, какъ на источникъ для реконструкціи системы Лукіана указываютъ и R. Seeberg, *Lehrbuch der Dogmengeschichte* II² Leipzig 1910, ss. 18—19. S. 18: Aus den Äusserungen des Arius sowie des Eusebius von Nikomedien kann man seine spätere Christologie [христологию Лукіана по его отдѣленіи отъ Павла самосатскаго] mit einer gewissen Wahrscheinlichkeit rekonstruieren. S. 19 sub verso: Der Brief Eusebs an Paulinis v. n. Tyrus gibt eine Übersicht seiner Lehre, sie kommt in der Sache mit Arius überein [съ учениемъ Арія въ его письмѣ къ самому Евсевію], ohne doch formell von ihm abhängig zusein. Dann aber scheint der Schluss sicher zu sein, dass die gemeinsamen Ideen in den beiden Briefen die beiden Autoren gemeinsame Schullehre, d. h. die Lehre des Lucian zum Ausdruck bringen.—Зеебергъ однако думаетъ, что и Лукіанъ

Вотъ что пишетъ Евсеβiй Павлину:

οὔτε δύο ἀγέννητα ἀκηράμεν, οὔτε ἓν εἰς δύο διηρημένον, οὔτε σωματικόν πεποιηθὸς μεμαθήκαμεν ἢ πεπιστεύκαμεν—ἀλλ' ἐν μὲν τῷ ἀγέννητον, ἐν δὲ τῷ ὑπ' αὐτοῦ ἀληθῶς, καὶ οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ γεγονῶς, καθόλου τῆς φύσεως τῆς ἀγεννήτου μὴ μετέχον, ἢ ὧν ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ἀλλὰ γεγονὸς ὀλοσχερῶς ἕτερον τῇ φύσει καὶ τῇ δυνάμει, προς τέλειαν ὁμοιότητα διαθέσεως τε καὶ δυνάμεως τοῦ πεποιηκότως γενόμενον, οὐ τὴν ἀρχὴν οὐ λόγῳ μόνον ἀδιήγητον, ἀλλὰ καὶ ἐννοία οὐκ ἀνθρώπων μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν ὑπὲρ ἀνθρώπων πάντων εἶναι ἀκατάληπτον πεπιστεύκαμεν, καὶ ταῦτα οὐχὶ λογισμοὺς ἑαυτῶν ὑποθέμενον. ἀλλ' ἀπὸ τῆς γραφῆς μεμαθηκότες λέγομεν κτιστὸν εἶναι καὶ θεμελιωτὸν καὶ γεννητὸν τῇ οὐσία, καὶ τῇ ἀναλλοιώτῳ καὶ ἀρρητῳ φύσει, καὶ τῇ ὁμοιότητι τῇ πρὸς τὸν πεποιηκότα μεμαθήκαμεν ὡς αὐτὸς ὁ κύριός φησιν ὁ θεὸς ἔκτισέ με ἀρχὴν ὁδῶν αὐτοῦ καὶ πρὸ τοῦ αἰῶνος ἐθεμελίωσέ με. πρὸ δὲ πάντων τῶν βουνῶν γεννᾷ με· εἰ δὲ ἐξ αὐτοῦ, τοῦτ' ἔστιν ἀπ' αὐτοῦ ἦν, ὡς ἂν μέρος αὐτοῦ, ἢ ἐξ ἀπορροίας τῆς οὐσίας, οὐκ ἂν ἔτι κτιστὸν, οὐδὲ θεμελιωτὸν εἶναι ἐκέχρητο -- τὸ γε ἐκ τοῦ ἀγεννήτου ὑπάρχων, κτιστὸν εἶναι ὑφ' ἑτέρου ἢ ὑπ' αὐτοῦ ἢ θεμελιωτὸν οὐκ ἂν εἶη, ἐξ ἀρχῆς ἀγέννητον ὑπάρχων. εἰ δὲ τὸ γεννητὸν αὐτὸν λέγεσθαι ὑπόφασιν τινα παρέχει, ὡς ἂν ἐκ τῆς οὐσίας τῆς πατριτῆς αὐτὸν γεγονότα, καὶ ἔχειν ἐκ τούτου τὴν ταυτότητα τῆς φύσεως, γινώσκομεν ὡς οὐ περὶ αὐτοῦ μόνου τὸ γεννητὸν εἶναι φησιν ἢ γραφῇ, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῶν ἀνομοίων αὐτῷ κατὰ πάντα τῇ φύσει καὶ γὰρ ἐπ' ἀνθρώπων φησὶν, υἱὸς ἐγέννησα καὶ ἕψωσα αὐτοὶ δὲ μὲ ἠθέτησαν. καὶ θεὸν τὸν γεννήσαντα σε ἐγκατέλιπτες, καὶ ἐν ἑτέροις φησὶ τίς ἂ τετυκῶς βόλους δρόσου οὐ τὴν φύσιν ἐκ τῆς φύσεως διηγούμενος, ἀλλὰ τὴν ἐφ' ἑκάστου τῶν γενομένων ἐκ τοῦ βουλήματος αὐτοῦ γενεσιν. οὐδὲν γάρ ἐστιν ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, πάντα δὲ βουλήματα αὐτοῦ γενόμενα, ἕκαστον ὡς καὶ ἐγένετο ἐστὶν ὁ μὴν γὰρ θεὸς, τὰ δὲ πρὸς ὁμοιότητα λόγῳ ὅμοια ἐσόμενα τὰ δὲ κατ' ἐκουσιασμὸν γενόμενα. τὰ δὲ πάντα δι' αὐτοῦ ὑπὸ τοῦ θεοῦ γενόμενα πάντα δὲ ἐκ τοῦ θεοῦ.

Вотъ и все догматическое содержанiе этого письма. Въ немъ нѣтъ ни „ἐξ οὐκ ὄντων“ ни ἦν ποτε ἕτε οὐκ ἦν ни даже „πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν“, хотя въ цѣломъ вся эта аргумен-

привнавалъ Сына Божiя тварью, происшедшою во времени, но что не оправдываетъ письмо Евсеβiя къ Павлину. Книга Зеберга мною получена была уже по окончанiи этой статьи.

тація Евсевія такова, что съ нею вполне согласенъ былъ и самъ Аріій. Вся полемика Евсевія направлена противъ ученія о Сынѣ Божіемъ какъ „нерожденномъ“ или рожденномъ изъ существа Отца. Доказывая это положеніе, Евсевій ссылается и на извѣстныя слова Притчей (8, 22), „Господь создалъ меня началомъ путей своихъ— и прежде вѣка основалъ меня; прежде же всѣхъ холмовъ рождаетъ меня“: если Сынъ произошелъ „изъ“ Бога, или „отъ“ Него, какъ часть Его, или какъ истеченіе сущности Его, то какъ же могло быть сказано о немъ, что Онъ созданъ или основанъ? существующее (получившее бытіе) изъ нерожденного, не было ни созданнымъ, „ни основаннымъ, будучи изъ начала нерожденнымъ“. Если же тотъ фактъ, что онъ называется также и рожденнымъ даетъ нѣкоторый поводъ говорить, что онъ произошелъ изъ существа Отца и имѣетъ съ нимъ тождество по природѣ, то мы вѣдь знаемъ, что писаніе и не объ немъ одномъ говоритъ, какъ о рожденномъ, но и о совершенно неподобныхъ Ему во всемъ, какъ напр. о людяхъ („Сыны родихъ и возвысихъ; тѣ же отвѣргашася Мене“: „Бога родившаго Тебя, ты основалъ“) и даже о капляхъ росы, указывая этимъ не природу отъ природы, но происхожденіе изъ воли Его, *ἐκ τοῦ βουλήματος αὐτοῦ*, ибо ничего не произошло изъ существа Его, все же происшедшее по волѣ его существуетъ такъ, какъ и произошло: Онъ Богъ: все же остальное произошло отъ Бога чрезъ Слово: *πάντα δὲ ἐκ Θεοῦ* заключаетъ свою аргументацію Евсевій.

Но на вопросъ, изъ чего именно родилось Слово, Евсевій не даетъ прямого отвѣта, не говоритъ, какъ Аріій *ἐξ οὐκ ὄντων*: и даже къ выводу, что Оно рождено, какъ и все прочее „изъ воли“ Отца подходитъ съ осторожностью.

Лихтенштейнъ ¹⁾ говоритъ правда, что въ этомъ *ἐκ τοῦ βουλήματος* высказывается ясно точка зрѣнія Арія, ибо и онъ свое *ἐξ οὐκ ὄντων* обосновываетъ тѣмъ, что Сынъ *οὐδὲ μέρος Θεοῦ, οὐδὲ ἐξ ἐκκεκμηένον τινός*.

Но въ данномъ случаѣ, съ точки зрѣнія вопроса о Лукианѣ, важно уже то одно, что Евсевій не высказывается ясно въ томъ смыслѣ, что Сынъ родился „изъ ничего“, *ἐξ οὐκ ὄντων*.—Рожденнымъ „изъ воли“ Отца признавалъ Сына

¹⁾ Lichtenstein S. 14.

и Оригенъ, который прямо полемизировалъ съ признающими, что было время, когда не было Сына, и у котораго это ученіе о рожденіи изъ воли Отца мало разнится отъ ученія о рожденіи изъ существа Отца, хотя по буквѣ и самъ Оригенъ относился къ этому ученію полемически по основаніямъ совершенно аналогичнымъ съ тѣми, по которымъ отвергали его и Евсевій никомидійскій и самъ Аріій.

Образъ происхожденія Сына, его *ἀρχή*, Евсевій, какъ и св. Ириней, Оригенъ, св. Александръ, Евсевій кесарійскій и всѣ оміи, признаетъ не только невыразимымъ словомъ, но и непонятнымъ для мысли, не только человѣческой, но и выше-человѣческой, а самого Сына, хотя и совершенно инымъ по природѣ и силѣ, чѣмъ Отецъ, и даже не участвующимъ въ его природѣ, однако совершенно подобнымъ сотворившему Его и по природѣ и по силѣ.

На вопросъ же о времени рожденія Сына Евсевій не даетъ здѣсь совершенно никакого отвѣта. Что онъ совершенно согласенъ былъ въ этомъ случаѣ съ Аріемъ, доказываетъ отрывокъ изъ его письма къ Арію приводимый Аѳанасіемъ В. ¹⁾.

ὁ—ἀπὸ τῆς Νικομηδείας Εὐσέβιος... ἔγραψεν Ἀρείῳ. καλῶς φρονῶν εἶχον πάντας οὕτως φρονεῖν. παντὶ γὰρ δῆλόν ἐστιν ὅτι τὸ πεποιημένον οὐκ ἦν πρὶν γενέσθαι, τὸ γενόμενον δὲ ἀρχὴν ἔχει τὸ εἶναι.

Но интересно, что и въ этомъ письмѣ, онъ приводитъ это положеніе не безъ доказательствъ, ссылается на то самоочевидное въ его глазахъ положеніе, что „происшедшее должно имѣть начало бытія“. Слѣдовательно и положеніе *οὐκ ἦν πρὶν γενέσθαι* не было для Евсевія тезисомъ, освященнымъ преданіемъ, и потому онъ едвали совершенно случайно умалчиваетъ о немъ въ письмѣ къ Павлину.

Если бы положенія: „*ἦν ποτὲ ὅτε οὐκ ἦν*“ (= „*πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν*“) и „*ἐξ οὐκ ὄντων*“ принадлежали самому Лукіану, то Евсевій никомидійскій высказался бы ясно въ этомъ смыслѣ и въ своемъ письмѣ къ Павлину.

Слѣдовательно, термины эти принадлежатъ не Лукіану, а самому Арію.

Выводъ этотъ косвенно подтверждаетъ и письмо самого Арія къ „солукіанниту“ Евсевію. Александрійскій пресви-

¹⁾ (de synod. n. 17).

теръ не умалчиваетъ здѣсь ни „*πρὶν γεννηθῆ ὄνχ ἦν*“, то объ „*ἐξ ὄνχ ὄντων*“, но эти положенія и у него являются только какъ выводъ изъ того основнаго положенія, что Сынъ не есть нерожденный или что тоже въ глазахъ Арія—безначальный, ни часть нерожденнаго, ни произошелъ изъ какого либо матеріала ¹⁾).

Если бы эти выраженія употреблялъ уже Лукіанъ, то Арія едвали умолчалъ бы объ этомъ въ письмѣ къ своему „солукіанисту“ Евсевію.

Такимъ образомъ два письма двухъ лукіанистовъ даютъ намъ полное научное право заключать, что мученикъ Лукіанъ въ своемъ ученіи о Сынѣ Божіемъ не сдѣлалъ самъ тѣхъ крайнихъ выводовъ изъ своего ученія, какія сдѣлалъ потомъ Арія, не дошелъ до открытаго признанія, что Сынъ Божій рожденъ во времени изъ ничего и не существовалъ до своего рожденія.

До какой степени важенъ для сужденія о православіи Лукіана тотъ выводъ, что онъ не употреблялъ, говоря о рожденіи Сына Божія, выраженія *ἐξ ὄνχ ὄντων*, показываетъ тотъ фактъ, что рожденнымъ во времени, предъ твореніемъ міра, признавали Слово Божіе и всѣ апологеты, не исключая ни Аѳинагора, ни Тертуліана, но такъ какъ рожденію Сына, какъ Слова произнесеннаго, *λόγος προφορικὸς*, по ихъ ученію предшествовало существованіе его, какъ Слова внутренняго, *λόγος ἐνδιάθετος*, то ученіе ихъ было православно въ основѣ: Сынъ Божій являлся у нихъ дѣйствительнымъ, природнымъ Сыномъ Отца, Существомъ необходимо предполагаемымъ самимъ бытіемъ Бога Отца, какъ его Слово и Премудрость: и только непостоятельность, недостатокъ спекуляціи и зависимость отъ ходячихъ философскихъ представленій, не позволяли имъ дойти до признанія, что ихъ ученіе о двоякомъ Словѣ вноситъ моментъ конечности въ самое бытіе Бога и что признавая Сына Божія природнымъ Сыномъ Отца, Его Словомъ и Премудростію: они должны

1) ὁ Υἱὸς ὄνχ ἀγέννητος, οὐδὲ μέρος ἀγέννητον—οὐδὲ ἐξ ἐπιγεγεννημένου τινος· ἀλλ' ὅτι θελήματι καὶ βουλῇ ὑπέστη -- καὶ πρὶν γεννηθῆ ἢ χριστῇ ἢ θεμελιωθῆ ὄνχ ἦν ἀγέννητος· γε ὄνχ ἦν διακόμεθα ὅτι εἴπαμεν, ἀρχὴν ἔχει ὁ υἱὸς, ὁ δὲ θεὸς ἀναρχὸς ἐστι. διὰ τοῦτο διακόμεθα καὶ ὅτι εἴπαμεν, ὅτι ἐξ ὄνχ ὄντων ἐστίν. οὕτως δὲ εἴπαμεν, καθότι οὐδὲ μέρος θεοῦ ἐστίν, οὐδὲ ἐξ ἐπιγεγεννημένου τινος.

бы, оставаясь послѣдовательными, и самое рожденіе Его признать актомъ столь же вѣчнымъ, какъ и самое бытіе Бога Отца 1).

Не высказываясь яено въ томъ смыслѣ, что Слово Божіе произошло изъ ничего, какъ и всѣ остальные творенія, Лукіанъ, каковы бы ни были недостатки его догматической системы, оставался на почвѣ церковнаго ученія и потому не можетъ считаться „Аріемъ до Арія“.

(Окончаніе будетъ).

1) Ср. В. В. Болотовъ, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ, 401—404.